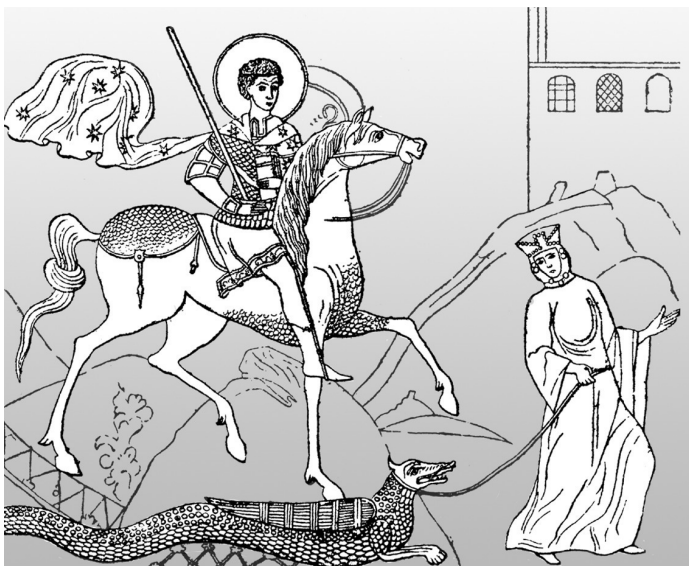

Изображение с гербовой печати Москвы

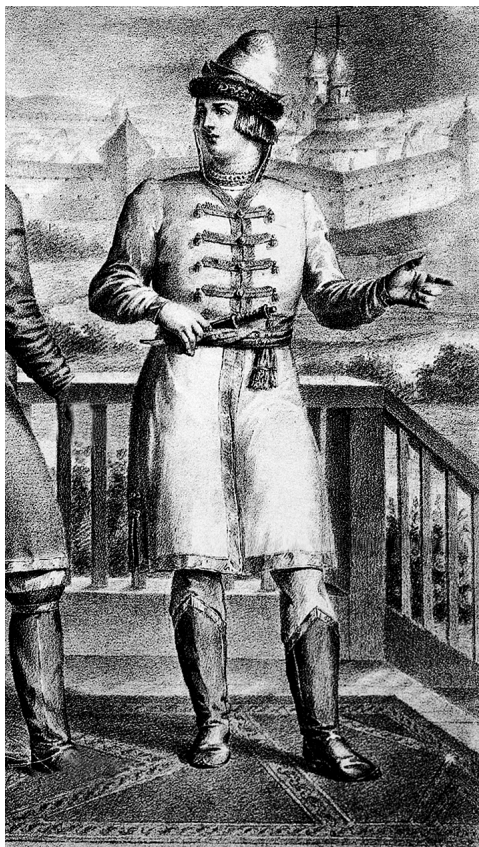
трополит Фотий. Владыка проявил себя как незаурядный дипломат. Князь, желая показать митрополиту многочисленность своих сил и основательность претензий, собрал к его приезду в Галиче множество вооруженных крестьян и ремесленников. Но владыка легко разгадал уловку Юрия Дмитриевича и сказал ему: «Сын князь Юрий! Никогда я не видел столько людей в овечьей шерсти», – дав тем самым понять, что не ополчению Юрия тягаться с московской дворянской конницей, состоящей из профессиональных рубак. Фотий добился от Юрия обещания не домогаться великокняжеского стола по своему произволу, а согласиться с решением ордынского хана. «Спершись о великом княжении», дядя и племянник отбыли за правосудием в Орду.

В борьбе за великий стол Юрий Дмитриевич опирался, с одной стороны, на поддержку свояка – великого князя литовского Свидригайла Ольгердовича, а с другой – на заступничество перед ханом своего друга – влиятельного ордынского мурзы Тегини. Но московские бояре, во главе которых стоял талантливый дипломат Иван Дмитриевич Всеволожский, прекрасно разобрались в сложившейся расстановке сил. Иван Дмитриевич сумел настроить большинство ордынских мурз против Тегини, а значит, сделать их сторонниками своего князя. Когда же на суде у хана Юрий Дмитриевич начал обосновывать свои претензии на великое княжение ссылками на древнее родовое право, московский дипломат одной фразой добился ханского решения в свою пользу, сказав: «Князь Юрий ищет великого княжения по завещанию отца своего, а князь Василий – по твоей милости».

Хан, донельзя обрадованный таким проявлением покорности со стороны москвитов, приказал выдать ярлык Василию и даже велел было Юрию Дми-

триевичу, в знак подчинения ханской воле, вести под уздцы коня с восседающим на нем великим князем. Но Василий, проявив свойственное ему благородство и не захотев унижить собственного дядю, от этого отказался. Тем не менее, и после ханского вердикта Юрий Дмитриевич не умерил свои притязания.

Толчком к продолжению войны послужил следующий эпизод. В 1433 г. во время свадьбы Василия Васильевича его мать, Софья Витовтовна, сорвала драгоценный золотой пояс с другого Василия – сына Юрия Дмитриевича. Чуть раньше кто-то из старых бояр рассказал Софье, что этот пояс принадлежал когда-то Дмитрию Донскому, а затем был украден и оказался в семье Юрия Дмитриевича. Скандал, что и говорить, был громкий: князь на свадебный пир в ворованной вещи явился! Разумеется, Василий Юрьевич и его брат Дмитрий Шемяка тут же покинули Москву. Их отец, Юрий Дмитриевич, не замедлил воспользоваться предоставившимся хорошим поводом и двинул войско на племянника.

Русские бояре

В сражении на Клязьме немногочисленные войска Василия Васильевича потерпели поражение от Юрия Дмитриевича, а сам великий князь был схвачен и отослан Юрием в Коломну. На Святой неделе 1434 г. Юрий Дмитриевич вступил в Москву, но оказался в ней нежеланным гостем. Бояре, ратники, посадские были настроены против князя Юрия крайне решительно, ибо все видели в нем узурпатора. Москвичи бежали в Коломну к своему законному государю, и Юрий, видя всеобщее неприятие, вынужден был покинуть Москву.

Через некоторое время вооруженная борьба возобновилась. Юрий сумел вновь победить Василия и вернулся в столичный город, захватив в плен и мать великого князя. Однако вскоре Юрий Дмитриевич умер. Василий Васильевич воссел на великом столе и «взял мир» со своими двоюродными братьями.

Но мир этот продолжался недолго. Василий Юрьевич нарушил его и, подобно своему отцу, направился в Кострому собирать войска против великого князя. Противники встретились при селе Скоретине (район современного города Ростова). Заключив с Василием Васильевичем перемирие до утра, Василий Юрьевич вновь не сдержал слова и внезапно перешел в наступление. Но великий князь успел поднять свои полки, и в битве при Скоретине войска претендента на великокняжеский стол были разбиты, он сам захвачен в плен, отвезен в Москву и там ослеплен по приказанию великого князя. Первый раунд борьбы был окончен.

Следующее пятилетие, до 1445 г., прошло относительно спокойно. Вынужденный внешне примириться с господством двоюродного брата, Шемяка выжидал удобного случая и дождался его. Помогла Шемяке ситуация, сложившаяся в Орде, где при отсутствии всякого порядка шли непрерывные междоусобицы. Каждый, кто обладал хоть какими-то военными силами, либо сражался с конкурентами внутри Орды, либо совершал на свой страх и риск набеги на русские города.

В 1438 г. хан Улуг-Мухаммед, выбитый из Орды своим родственником Киши-Махметом, «изгоном» занял русский город Белев. Великий князь Василий направил против него полки под начальством Дмитрия Шемяки. Выдвинувшись к Белеву, Шемяка, несмотря на желание Улуг-Мухаммеда заручиться поддержкой русских князей «на всей их воле», нанес татарам серьезное поражение. Улуг-Мухаммед ушел из Белева в Казань, но в 1439 г. появился под стенами Москвы. Заняв впоследствии Нижний Новгород, Улуг-Мухаммед укрепился там и в 1445 г. отправил против великого князя войско во главе со своими сыновьями Махмутеком и Якубом.

Шемяка обещал прислать полки на помощь Василию, но не выполнил обещания. И великий князь, беспечно пировавший в ночь перед сражением, оказался перед лицом врага с малочисленной дружиной. Превосходящими силами

татар Василий был разбит и попал в плен. Такого поворота совершенно не ожидали и сами татарские царевичи. Они долго думали, как им поступить со столь знатным пленником, и для начала отослали в Москву матери и жене Василия его нательный крест, дабы те не усомнились в скорбном известии. Дмитрий Шемяка через своих посланников склонял татар не отпускать Василия на свободу, однако великому князю удалось освободиться из плена ценой огромного «откупа» в 200 тысяч рублей.

Для сбора этой фантастической суммы вместе с Василием были отправлены на Русь татарские мурзы с отрядами воинов, многие из которых тут же посту-

К.В. Лебедев. Ушкуйники. (Поселение вольной новгородской дружины в финском Заволжье)

пали «в службу» к Василию. Разумеется, великий князь был вынужден принимать татар ласково, и по стране распространилось недовольство татарской ориентацией Василия: «Чему еси татар привел на Русскую землю и города дал еси им, волости подавал еси в кормление?» Но политика великого князя оказалась дальновидной: с приемом татар на русскую службу Москва усиливалась, а Орда слабела. Тем не менее для большинства современников татарская миграция представлялась неслыханным нарушением их прав, которое к тому же оказалось сопряжено с немалыми материальными затратами.

Недовольство ширилось. Им-то и решил воспользоваться Шемяка. В один из отъездов Василия Васильевича на богомолье в Троицкий монастырь Шемяка со своими сторонниками неожиданно захватил Москву и полонил жену и мать великого князя. Затем Шемяка быстрым маршем двинулся к Троице. И хотя Василий был предупрежден, а охрана выставлена, Шемяка сумел обмануть бдительность сторожей, спрятав своих ратников в возах с сеном. Василий не успел бежать и вынужден был спрятаться в церкви, а затем вышел к своему врагу с иконой на руках, умоляя о милосердии и разрешении постричься в монахи. Милосердие было ему обещано, но Шемяка – уже в который раз – не сдержал слова. Василий услышал: «Пойман еси великим князем Дмитрием Юрьевичем»; на простых санях несчастный был отвезен в Москву, ослеплен (отсюда и прозвище князя – «Темный») и затем сослан в Углич вместе с женой. Мать Василия Софья Витовтовна была также отправлена в ссылку – в Чухлому.

Казалось, Шемяка мог праздновать окончательную победу, но сказалась приязнь между Василием Темным и татарами. Вообще, сторонников у ослепленного князя оказалось гораздо больше, чем врагов: за Василия Темного стояли татарские царевичи Касим и Якуб – сыновья Улуг-Мухаммеда, один из которых когда-то взял великого князя в плен; его поддерживал «нареченный во митрополиты» епископ Иона; за возвращение Василию престола готовы были бороться многие бояре. Усилия сторонников законного великого князя дали свои плоды. Василий Темный, отправившись на очередное богомолье в Кирилло-Белозерский монастырь, сумел бежать оттуда в Тверь, где заручился под-

Печати великого князя Василия II

держкой тверского князя. В 1447 г. Василий победоносно возвратился в Москву и занял престол. Но ему потребовалось несколько лет борьбы, чтобы окончательно низвергнуть Шемяку. В 1450 г. Шемяка был выбит из своей вотчины – Галича – и бежал в Новгород – центр оппозиции великому князю, – где и скончался (полагали, что он был отравлен по приказу Василия).

Новгородцы твердо поддерживали Шемяку, и это не прошло им даром. Зимой 1456 г., памятуя о старых обидах, Василий Темный с войском, усиленным татарскими отрядами, двинулся к Новгороду. Захватив город Старую Руссу, московские воеводы отпустили основную рать и тут, оставшись с отрядом из двухсот человек, столкнулись с новгородским войском, состоявшим из пяти тысяч всадников. Казалось бы, о сопротивлении не могло быть и речи, но пассивные московские воеводы нашли выход. Они приказали стрелять по лошадям новгородцев и добились полной победы. Одетые в броню новгородцы валились под копыта коней, демонстрируя полное отсутствие какой-либо воли к сопротивлению.

После поражения у Руссы новгородцы думали только о том, как при посредничестве новгородского архиепископа заключить с Василием мир, и получили желаемое на самых унижительных условиях. Сам Василий Темный все же был не полностью удовлетворен результатами похода 1456 г. Он постоянно жаловался митрополиту Ионе, что новгородцы чтут его не так, как следует, и только благодаря заступничеству последнего воздержался от нового похода на непокорную вечевую «республику». Смерть помешала ему до конца реализовать планы полного подчинения Новгорода Москве. Эта миссия вместе с объединением страны досталась его сыну Ивану III.

ГОСУДАРЬ ВСЕЯ РУСИ

Наследие, полученное старшим сыном Василия Темного – Иваном III Васильевичем, было завидным. Все русские князья фактически находились в полной воле московского князя, семейные междоусобицы утихли, а угроза со стороны Золотой Орды практически исчезла.

Как уже говорилось, у ордынского хана Улуг-Мухаммеда было трое сыновей: Махмутек, Якуб и Касим. Первые двое со временем сделали врагами. Махмутек, желая обрести независимость, убил своего отца и захватил власть в Казани, создав таким образом Казанское ханство, выделившееся из Орды. Касим, взявший на себя бремя мести за убийство отца, принадлежал к числу наиболее преданных сторонников Василия Темного: именно его участию был в немалой степени обязан Василий II своим возвращением на престол в 1447 г.

Великий князь и государь Иван Васильевич.
Титулярник 1672 г.

За верную службу Василий выделил Касиму в пожизненное владение городок на Оке, который стал с тех пор называться Касимовом.

Население Касимовского служилого ханства долго сохраняло все свои этнографические особенности, включая исповедание ислама.

Крымское ханство также откололось от Орды, после чего собственно Золотая Орда стала включать лишь область, непосредственно прилегающую к Сараю, и перестала представлять для Руси серьезную угрозу. Правда, в 1465 г. золотоордынский хан Ахмат собрался было пойти на Москву, дабы заставить москвитов по-прежнему платить «выход», но неожиданное нападение крымских татар спутало все его планы.

В непрекращавшейся борьбе между Касимом и Махмутеком деятельное участие принимал Иван III. В 1467 г. некоторые казанские мурзы, недовольные правлением молодого Ибрагима – сына Махмутека, обратились к Касиму с предложением занять казанский трон. Усиленный русским войском, данным ему Иваном III, Касим двинулся к Казани, но не смог достичь успеха. Повторный поход был предпринят через два года, уже после смерти Касима. Когда великокняжеские московские полки и касимовцы снова подступили к Казани, Ибрагим был вынужден заключить мир на условиях, предложенных Москвой.

После замирения с Казанью Иван III смог продолжить политику своего отца в отношении Новгорода. Новгородцы к тому времени потеряли всякую способность сохранять хоть какое-то подобие самостоятельности. В городе боролись две партии: пролитовская, состоявшая из бояр во главе с Борецкими, и промосковская, состоявшая из «младшей чади», то есть простых людей. Поскольку бояре имели доступ к власти и принимали решения, то нет ничего удивительного в том, что в 1471 г. Новгород заключил союз с великим князем литовским и польским королем Казимиром Ягеллоном. Казимир поставил в Новгород своего наместника и обещал «Господину Великому Новгороду» защиту от Москвы. Третьим членом антимосковской коалиции стал золотоордынский хан Ахмат, также находившийся в союзе с Казимиром.

Печать великого князя Ивана III

Увидев, что против него создана столь серьезная коалиция, Иван III, политик умный и осторожный, решил также искать союзников. Его взоры, естественно, обратились в сторону враждебного Сараю Крымского ханства. В 1473 г. договор о союзе с крымским ханом Менгли-Гиреем стал реальностью. Крымчаки обещали воевать с литовцами, ожидая от Ивана помощи в борьбе с Ахматом.

Войну против антимосковской коалиции Иван III начал с Новгорода, и не случайно. В «низовских» землях возмущение союзом Новгорода с Казимиром и Ахматом было чрезвычайно велико. Москвичи обоснованно рассматривали поступок новгородцев как измену общерусскому делу и сравнивали поход Ивана III с походом Дмитрия Донского на Мамаю.

Летописец писал, что Иван III шел на Новгород «не яко на христиан, но яко на язычник и на отступник православья». Последнее обстоятельство для этнической диагностики весьма существенно. Как видим, в конце XV в. представители нового этноса москвитов перестали воспринимать реликт Древней Руси – новгородцев – как «своих», так как индикатором этнической симпатии в то время являлось вероисповедание. Новгородцев, выбравших союз с католиками, москвичи приравнивали к язычникам.

При общерусской поддержке на Новгород была двинута огромная рать под предводительством лучшего полководца Москвы – князя Даниила Холмского. С русским войском шли и отряды касимовского царевича Данияра. Встретившись с новгородскими силами на реке Шелони, москвичи одержали полную победу, поскольку противостояло им хотя и хорошо вооруженное, но необученное ополчение, а литовская помощь так и не пришла. Итоги битвы на Шелони оказались для Новгорода тяжкими. Новгородцы вынуждены были отказаться от планов союза с Литвой и заплатили великому князю большую денежную контрибуцию – свыше 15 тысяч рублей.

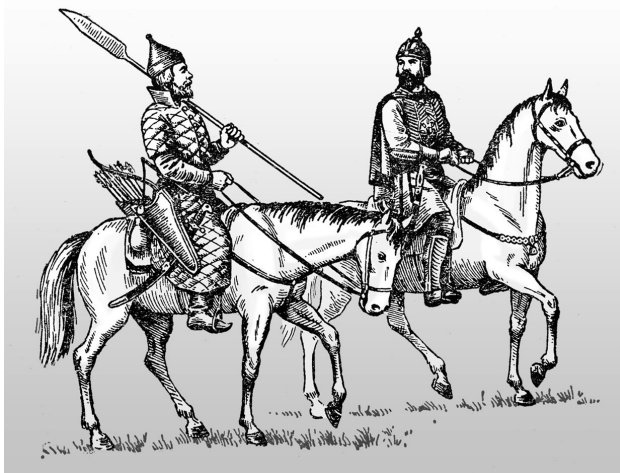
Но хотя на помощь Новгороду не пришли литовцы, ему попытался помочь золотоордынский хан Ахмат. Форсированным маршем он дошел до Оки. По приказанию великого князя касимовские царевичи Данияр и Муртаза выдвинулись навстречу Ахмату на рубеж Коломны и Серпухова, гото-

вась отрезать войско Ахмата от обоза в случае дальнейшего продвижения его к Москве. Золотоордынский хан, узнав об этом, решил не связываться с касимовцами и быстро отступил.

Иван III отчетливо понимал недостаточность достигнутых успехов. Существование сильной литовской партии в Новгороде и союзного Литве золотоордынского ханства ставило под сомнение выполнение Новгородом своих обязательств перед Москвой. Поэтому Иван III стремился к окончательному подчинению Новгорода и низвержению Золотой Орды. Воспользовавшись тем, что «младшая чадь новгородская» жаловалась ему на пролитовски настроенных бояр, просила защиты и называла его «государем», Иван III в 1478 г. предъявил новгородцам новые требования и выступил в новый поход. Программа его была лаконична: «Вечу не быти, посаднику не быти, а государство все нам держати». После непродолжительного сопротивления новгородцы подчинились воле великого князя. Символ старинной новгородской вольности – вечевой колокол – был снят и отправлен в Москву, а десятки знатнейших семейств Новгорода были переведены («испомещены») в области великого княжения как служилые люди.

Карта Московии конца XV в. Якова Гастольди

Так закончилась история последнего этнического осколка Древней Руси, включенного в состав нового этноса. Пример Новгорода – это блестящий пример умирания этнической системы, при котором, как правило, исчезают не сами люди. Люди-то как раз остаются и входят в состав новых этносов, но окончательно исчезает определенная система

поведения, некогда связывавшая этих людей воедино, делавшая их «своими». Вместе с независимостью Новгорода исчезли все стереотипы поведения, характерные для вечевой Руси, а сами люди сохранили лишь память о своем происхождении.

Безусловно, присоединение Новгорода к Москве явилось вершиной объединительной политики Ивана III. Однако этим дело не кончилось. В 1484 г. на Москве «известно учинилось», что тверской князь Михаил Борисович заключил договор с великим князем литовским Казимиром. Такой договор стал прямым нарушением соглашений Михаила с Иваном III, и великий князь московский объявил Твери войну. Помощь с Запада, обещанная Казимиром, как всегда, не пришла, и Михаилу ничего не оставалось, как признать главенство Ивана III и «взять мир». Меж тем тверские бояре целыми семействами покидали своего князя и били челом Ивану III, прося принять их на службу. Лишаясь поддержки своего окружения, Михаил Борисович вновь «установил ряд» с Казимиром, и это погубило его окончательно. Объявив Михаила изменником, Иван III двинул к Твери войска и осадил город. Преданный ближними боярами, тверской князь бежал в Литву, а на княжение в Тверь был посажен сын Ивана.

Летом 1480 г. золотоордынский хан Ахмат подошел с войском к пограничной московской реке Угре, северному притоку Оки, и стал там лагерем, ибо ждал помощи от своего союзника – Казимира. Ожидания его оказались напрасны: как опытный политик, Иван III предвидел грядущие столкновения с Ахматом, и направленный против него русско-крымский союз действовал.

Потому Казимир вынужден был бросить свои силы на защиту Литвы от крымского хана Менгли-Гирея. Московская рать встала на противоположном берегу Угры, но ни Иван III, ни Ахмат не рискнули начать сражение. Знаменитое «стояние на Угре» продолжалось до глубокой осени. Исход его решил рейд русско-татарского отряда под командованием воеводы Ноздреватого и царевича Нур-Даулет-Гирея в тыл Ахмата, в Поволжье. Узнав об угрозе своим владениям, Ахмат быстро отступил.

А Иван III, почувствовав силы противостоять хану, изгнал его послов и отказался возобновить выплату дани.

Легко понять, что стояние на Угре было лишь эпизодом в длительной борьбе двух коалиций: новгородско-литовско-золотоордынской и московско-касимовско-крымской. И уж тем более нет никаких оснований считать, будто стояние на Угре ознаменовало собой «свержение ордынского ига». Как мы видим,

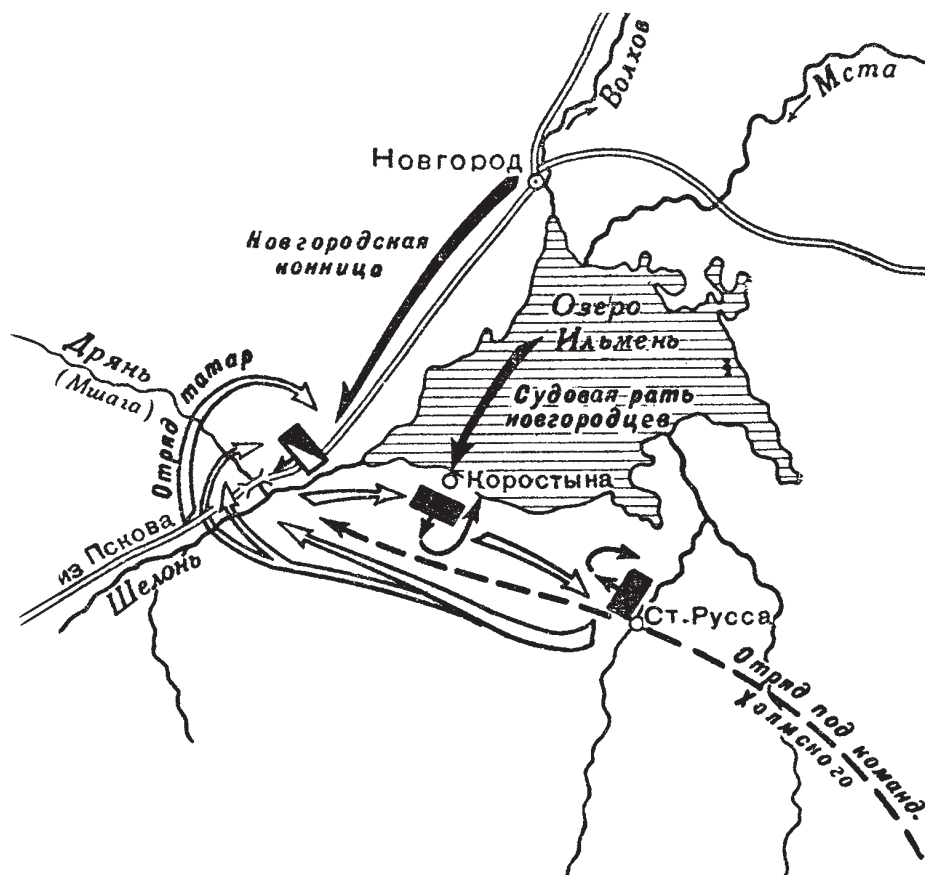

Схема битвы на реке Шелони в 1471 г.